

Анюта — эпизод 2 из 2

От батьки я получаю только двенадцать в месяц, а на эти деньги мудрено жить порядочно.

Так-то так... сказал художник и брезгливо поморщился, но можно все-таки лучше жить... Развитой человек обязательно должен быть эстетиком. Не правда ли? А у вас тут чёрт знает что! Постель не прибрана, помои, сор... вчерашняя каша на тарелке... тьфу!

Это правда, сказал медик и сконфузился, но Анюте некогда было сегодня убирать. Всё время занята.

Когда художник и Анюта вышли, Клочков лег на диван и стал зубрить лежа, потом нечаянно уснул и, проснувшись через час, подпер голову кулаками и мрачно задумался. Ему вспомнились слова художника о том, что развитой человек обязательно должен быть эстетиком, и его обстановка в самом деле казалась ему теперь противной, отталкивающей. Он точно бы провидел умственным оком то свое будущее, когда он будет принимать своих больных в кабинете, пить чай в просторной столовой, в обществе жены, порядочной женщины, и теперь этот таз с помоями, в котором плавали окурки, имел вид до невероятия гадкий. Анюта тоже представлялась некрасивой, неряшливой, жалкой... И он решил расстаться с ней, немедленно, во что бы то ни стало.

Когда она, вернувшись от художника, снимала шубу, он поднялся и сказал ей серьезно:

Вот что, моя милая... Садись и выслушай. Нам нужно расстаться! Одним словом, жить с тобою я больше не желаю.

Анюта вернулась от художника такая утомленная, изнеможенная. Лицо у нее от долгого стояния на натуре осунулось, похудело, и подбородок стал острей. В ответ на слова медика она ничего не сказала, и только губы у нее задрожали.

Согласись, что рано или поздно нам всё равно пришлось бы расстаться, сказал медик. Ты хорошая, добрая, и ты не глупая, ты поймешь...

Анюта опять надела шубу, молча завернула свое вышиванье в бумагу, собрала нитки, иголки; сверток с четырьмя кусочками сахара нашла на окне и положила на столе возле книг.

Это ваше... сахар... тихо сказала она и отвернулась, чтобы скрыть слезы.

Ну, что же ты плачешь? спросил Клочков.

Он прошелся по комнате в смущении и сказал:

Странная ты, право... Сама ведь знаешь, что нам необходимо расстаться. Не век же нам быть вместе.

Она уже забрала все свои узелки и уже повернулась к нему, чтобы проститься, и ему стало жаль ее.

Разве пусть еще одну неделю поживет здесь? подумал он. В самом деле, пусть еще поживет, а через неделю я велю ей уйти.

И, досадуя на свою бесхарактерность, он крикнул ей сурово:

Ну, что же стоишь? Уходить, так уходить, а не хочешь, так снимай шубу и оставайся! Оставайся!

Анюта сняла шубу, молча, потихоньку, потом высморкалась, тоже потихоньку, вздохнула и бесшумно направилась к своей постоянной позиции к табурету у окна.

Студент потянул к себе учебник и опять заходил из угла в угол.

Правое легкое состоит из трех долей... зубрил он. Верхняя доля на передней стенке груди достигает до 45 ребер...

А в коридоре кто-то кричал во всё горло:

Грригорий, самовар!

до ости лопатки (лат.).